

ВЕРА ИПСЕР

оси

Р33078

ПУЛКОВСКИЙ
МЕРИДИАН

огиз
ГОССЛИТИЗДАТ

Вера Инбер

ПУЛКОВСКИЙ МЕРИДИАН

ПОЭМА

О Г И З

*Государственное издательство
художественной литературы
Москва 1944*

О ГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая. Мы — гуманисты</i>	3
<i>Глава вторая. Свет и тепло.</i>	9
<i>Глава третья. Огонь.</i>	17
<i>Глава четвертая. Год.</i>	24
<i>Глава пятая. Снова лето</i>	31
<i>Глава шестая. Восстановление.</i>	34

Рисунки А. П. Остроумовой-Лебедевой

Редактор С. Л. Горский

Обложка худ. Н. В. Ильина

Подписано к печати 27/VI 1944 г. А-7882

Тираж 25 000. 11/4 печ. л. 1,3 уч.-авт. л.

Зак. № 604. Цена 1 р. 50 к.

6-я тип. ОГИЗа треста "Полиграфкнига"
при СНК РСФСР. Москва, 1-й Самотечный, 17.

Гла́за пе́рвые

МЫ — ГУМАНИСТЫ

1

В пролет меж двух больничных корпусов,
В листву, в деревья золотого тона,
В осенний лепет птичьих голосов,—
Упала утром бомба, весом в тонну.
Упала, не взорвавшись: был металл
Добрей того, кто смерть сюда метал.

2

Здесь госпиталь. Больница. Лазарет.
Здесь красный крест и белые халаты;
Здесь воздух состраданием согрет,
Здесь бранный меч на гипсовые латы,
Укрывшие простреленную грудь,
Не смеет, не дерзает посягнуть.

По немецкому выжег кровью и железом
 Все эти нормы. Тишину палат
 Он превращает в судорожный ад.
 И выздоравливающий с протезом,
 Храбрец, блестяще выигравший бой,
 Бледнеет, видя смерть перед собой.

А вестибюль приемного покоя...
 Там сколько жертв! Их привезли сейчас.
 Все эти лица, голоса... какое
 Перо опишет? Девушка без глаз
 (Они полны осколками стекла)
 Рыдает, что она не умерла.

Фашист! Что для него наш мирный кров,
 Где жизнь текла, исполненная смысла?
 Где столько пролетало вечеров
 За письменным столом. Теперь повисла
 Над пустотой развалина стены,
 Где полки книг еще сохранены.

Что для него, для немца, русский дол,
 Голландский сад, норвежская деревня?
 Что для него плодовые деревья,
 Речная пристань, океанский мол?
 Все это — только авиамишени,
 Все это — лишь объекты разрушений.

Умение летать!.. Бесценный дар,
 Взлелеянная гениальным мозгом
 Мечта. Впервые на крылах из воска
 Взлетает к солнцу юноша Икар
 Затем ли, чтоб на крыльях «Мессершмиттов»
 Витала смерть над современным Критом?

Затем ли итальянец Леонардо
 Проникнуть тщился в механизм крыла,
 Чтоб в наши дни, в Берлине, после старта
 Фашистская машина курс взяла
 На университетские аллеи
 Времен еще Декарта и Линнея?

В Америке затем ли братья Райт
 В двадцатом веке покорили воздух,
 Чтоб в тучах дыма задыхались звезды?
 Чтоб сектор неба, горизонта край
 Тонул в огне? Чтоб зарево вставало
 От Невки до Финляндского вокзала?

Как грозен неба вид! Как необычен!
 Как глухо полыхают жерла туч
 В часы почных боев, когда зенитчик
 Прожектористу говорит: «Дай луч!»
 И бледный луч па поиски врага
 Вздымается, как грозная рука.

Нашла его. Нашарила за тучей.
 К земле его! Чтоб бземь головой,

Чтоб подняли его моторы вой,
Чтобы сгорел он в собственном горючем.
Чтобы зловещий этот нетопырь,
Ломая крылья, пал бы на пустырь.

12

Не вырвется из наших рук, щалиши!..
Он мечется. Движения все резче.
Он падает. И видя это с крыш,
Пожарные дружины рукоплещут.
И слыша это снизу, со двора,
Дежурные во тьме кричат «ура»...

13

Есть чувства в человеческой душе,
Которыми она гордиться вправе.
Но не теперь. Теперь они уже
Для нас как лишний груз при переправе.
Влюбленность. Нежность. Страстная любовь...
Когда-нибудь мы к вам вернемся вновь.

14

У нас теперь одно лишь чуство — Месть.
Но мы иначе понимаем это;
Мы отошли от Ветхого завета,
Где смерть за смерть. Нам даже трудно счесть...
С лица земли их будет сотни стертых
Врагов — за каждого из наших мертвых.

15

Мы отомстим за все: за город наш,
Великое творение Петрово.
За жителей, оставшихся без крова,
За мертвый, как гробница, Эрмитаж,
За виселицы в парке над водой,
Где стал поэтом Пушкин молодой.

За гибель петергофского «Самсона»,
 За бомбы в Ботаническом саду,
 Где тропики дышали полусонно
 (Теперь они дрожат на холду).
 За все, что накопил разумный труд,
 Что немцы превратили в груды груд.

Мы отомстим за юных и за старых:
 За стариков, согнувшихся дугой,
 За детский гробик, махонький такой,
 Не более скрипичного футляра.
 Под выстрелами, в снеговую муть,
 На саночках он совершил свой путь.

Мы — гуманисты, да! Пам дорог свет
 Высокой мысли (пами он воспет).
 Для нас сиянье светлого поступка
 Подобно блеску перстия или кубка,
 Что переходит к сыну от отца
 Из века в век, все дале, без конца.

Но гуманизм не в том, чтобы глядеть
 С невыразимо-скорбной укоризной,
 Как враг глумится над твоей отчизной,
 Как лапа мародера лезет в клеть,
 И с прибежавшего на крик домой —
 Срывает шапку вместе с головой.

Как — женщину, чтоб ей уже не встать,
 Ефрейтор-немец сапогами топчет.

И как за окровавленную матъ
Цепляется четырехлетний хлопчик.
И как, нарочно по нему пройдя,
Танк давит гусеницами дитя.

21

Сам Лев Толстой, когда бы смерть дала
Ему взглянуть на Ясную Поляну,
Своей рубахи, белой, как зима,
Чтоб не забрызгать кровью окаянной,
Фашиста, осквернителя могил,
Он старческой рукой бы задушил.

22

От русских сел до чешского вокзала,
От крымских гор до Ливии пустынь,
Чтобы паучья лапа не всползала
На мрамор человеческих святынь,
Избавить мир, планету от чумы,—
Вот гуманизм! И гуманисты — мы.

23

А если ты, Германия, страна
Философов, обитель музыкантов,
Своих титанов, гениев, талантов
Предавши поруганью имена,
Продлишь кровавый гитлеровский бред,—
Тогда тебе уже прощенья нет.

24

Запомнится тебе ростовский лед.
Не позабудешь клинскую метель ты,
И синие морозы Невской дельты,
И в грозном небе Чулковских высот,
Как ветром раздуваемое пламя,
Победоносно реющее знамя.

Глава вторая

СВЕТ И ТЕПЛО

1

В ушах все время словно щебет птичий.
Как будто ропот льющейся воды:
От слабости. Ведь голод. Нет еды.
Который час? Не знаю. Жалко спички,
Чтобы взглянуть. Я с вечера легла,
И длится ночь без света и тепла.

2

На мне перчатки, валенки, две шубы
(Одна в ногах). На голове — платок;
Я из него устроила щиток,
Укрыла подбородок, нос и губы.
Зарылась в одеяло, как в сугроб.
Тепло, отлично. Только стынет лоб.

Лежу и думаю. О чём? О хлебе.
 О корочке, обсыпашкой мукой.
 Вся комната полна им. Даже мебель
 Он вытеснил. Он близкий, и такой
 Далекий, точно край обетованный.
 И самый лучший — это пеклеванный.

Он с детством сопрягается моим,
 Он круглый, как земное полушарье.
 Он теплый. В нем благоухает тмин.
 Он рядом. Здесь. И кажется — пошарь я
 Рукой, перчатку лишь сними, —
 И ешь сама. И мужа накорми.

А там, по Северной, сюда идут,
 Идут составы, — каждый бесконечен.
 Не счастье вагонов. Ни один диспетчер
 Не посягает на его маршрут.
 Он знает: это посланный страной.
 Особо важный. Внеочередной.

Там тонны мяса, центнеры муки,
 И все это в три яруса, грядою
 Лежит в полкилометра высотою.
 Но все это не доезжая Мги.
 Там овощи. Там витамины «Це»...
 Но к нам им не добраться. Мы в кольце.

И даже будто в Мурманске стоят
 Для нас американские продукты:

Консервы, сахар, масло. Даже фрукты.
Бананы... Ящики за рядом ряд.
И за долготерпенье нам в награду—
На каждом надпись: «Только Ленинграду».

8

Но мы — в кольце. А тут еще мороз
Свирипствует, невиданный дотоле.
Торпедный катер стынет на приколе,
Автобус в ледяную корку врос;
За неименьем тока — нет трамваев.
Все тихо. Город стал неузнаваем.

9

И пешеход, идя по мостовой
От Карповки до улицы Марата,
В молчанье тяжкий путь свершает свой.
И только редкий газогенератор,
На краткую минуту лишь одну
Дохнув теплом, нарушил тишину.

10

Как бы сквозь сон, как в деревянном веке,
Невнятно где-то тюкает топор.
Фанерные щиты, сарай, забор,
Полусгоревшие дома-калеи,
Остатки перекрытий и столбов,—
Все рубят для печурок и гробов.

11

Две женщины (недоля их свела)
В платках до глаз, соприкасаясь лбами,
Ненек какой-то пшилят. Но пила
С искривленными слабыми зубами,
Как будто бы и у неё цынга,
Не в состоянии одолеть пенька.

11

Ни лая, ни мяуканья, ни писка
 Ни чужьего. Небось, пичуги там,
 Где, весело летая по пятам
 За лошадью, как из горячей миски,
 Они хватают зернышки овса...
 Там раздаются птичий голоса.

Нет радио. И в шесть часов утра
 Мы с жадностью «Последние известья»
 Уже не ловим. Наши рупора—
 Они еще стоят на прежнем месте,—
 Но голос... голос им уже не дан:
 От раковин отхлынул океан.

Вода!.. Бывало, встанешь утром рано,
 И кран, с его металла белизной,
 Забулькает, как соловей весной,
 И долго будет течь вода из крана.
 А нынче ледяным перстом заткнув,
 Мороз оледенил блестящий клюв.

А нынче пьют из Невки, из Невы
 (Метровый лед колп хоть ледоколом).
 Стоят, обмерзшие до синевы,
 Обмениваясь шуткой невеселой,
 Что уж на что, мол, невская вода,
 А и за нею очередь. Беда!..

А тут еще какой-то испоганил
 Всю прорубь керосиновым ведром.

И все, стуча от холода зубами,
Владельца поминают недобром:
Чтоб дом его сгорел, чтоб он ослеп,
Чтоб потерял он карточки на хлеб.

17

Лишилась тока сеть водоснабженья,
Ее подземное хозяйство труб.
Без тока, без энергии движенья
Вода замерзла, превратилась в труп.
Насосы, фильтры — их живая связь
Нарушилась. И вот — оборвалась.

18

(В системе фильтров есть такое сито—
Прозрачная стальная кисея,
Мельчайшее из всех. Вот так и я
Стараюсь удержать песчинки быта,
Чтобы в текучей памяти людской
Они б осели, как песок морской.)

19

Зима роскошествует. Нет конца
Ее великолепьям и щедротам.
Паркетами зеркального торца
Сковала землю. В голубые гроты
Преобразила черные дворы.
Алмазы. Блеск... Недобрые дары!

20

И правда, в этом городе, в котором
Больных и мертвых множатся ряды,
К чему эти кристалльные просторы,
Хрусталь садов и серебро воды.
Закрыть бы их!.. Закрыть, как зеркала,
В дому, куда недавно смерть вошла.

По чем закрыть? Без теплых испарений,
 Воздушный свод неизъяснимо чист.
 Нетающий на ветках снег — спрепев,
 Как дымчатый уральский аметист.
 Закат сухумской розой розовеет...
 Но лютой нежностью все это веет.

А в час, когда рассветная звезда
 Над улиц перспективой несравненной
 Сияет в бездне утренней,— тогда
 Такою стужей тянет из вселенной,
 Как будто бы сам космос, не дыша,
 Глядит, как холдеет в нас душа.

Недаром же на-днях, запяв черед
 С рассвета, чтоб крупы достать к обеду,
 Один парнишка брякнул вдруг соседу:
 «Ну, дед, кто эту почь переживет,—
 Тот будет жить». И старый дед ему:
 «А я ее, сыпок, переживу».

Переживет ли? Ох!.. День ото дня
 Из наших клеток исчезает кальций.
 Слабеем. (Взять хотя бы и меня—
 Ничтожная царапина на пальце,
 И месяца уже, пожалуй, три
 Не заживает, прах ее бери!)

Как тягостно и, главное, как скоро
 Теперь стареют лица! Их черты

Доведены до птичьей остроты
Как бы рукой зловещего гримера:
Подбавил пепла, подмешал свинца,—
И человек похож па мертвца.

26

Открылись зубы, обтянулся рот,
Лицо из воска. Труиная бородка.
(Такую даже бритва не берет.)
Почти без центра тяжести походка,
Почти без пульса серая рука.
Начало гибели. Распад белка.

27

У женщин пачипается отек,
Они всё зябнут (это не от стужи).
Крест-накрест па груди у них все туже
Когда-то белый вязаный платок.
Не веришь — неужели эта грудь
Могла дитя вскормить когда-нибудь?

28

Апатия истаявшей свечи...
Всё перечни и признаки сухие.
Того, что, по-ученому, врачи
Зовут «алиментарной дистрофией»,
И что — не латинист и не филолог —
Определяет русским словом — голод.

29

А там, за этим, следует конец.
И в старом одеяле, цвета пыли,
Английскими булавками зашиплен,
Бечевкой перевязанный мертвец,
Так на салазках ладно снаряжен,
Что, видимо, в семье не первый он.

Но встречный — в одеяльде голубом,—
 Мальчишечка грудной, само здоровье.
 Хотя не женским, даже не коровьим,
 А соевым он вскормлен молоком.
 В движении — не просто встреча это:
 Здесь жизни передана эстафета.

И тут в мое почное бытие
 Вплетается, со мною разлученный,
 Иной ребячий облик — мой внучонок.
 Он в валеночках, золотце мое...
 Он тепел. Осязаем. Он весом.
 Увы! Я сплю. И это только сон.

Г л а с а т р е т ь я

О Г О И Н Ъ

1

Мороз, мороз!.. Великий русский холод,
Испытанный уже союзник наш
Врагов он жалит, как железный озод,
Он косит их, прессует, как фураж,
И по телам заснувших мертвым сном
Он катит дальше в танке ледящем.

2

Как из былины, в кожаном шеломе
Глядит из башни (иу, и здоровá!)
Румяная седая голова.
А дальше в этой танковой колонне
Идут бураны, спеченные выноны,
Запосы... Не видать еще весны.

Треск пб лесу! Алмазная броня
 То изумрудом вспыхнет, то рубином.
 А чуть стемнеет, на излете дня,
 Вооружась серебряной дубиной,
 Уходит партизанить наш старик,
 Как в дни Наполеона он привык.

И тут уж все немецкое бежит,
 Чтоб от него укрыться как-то, где-то.
 И бледная немецкая ракета
 Беззвучно заикается, дрожит.
 Все снег да снег, без края и конца
 Вокруг Оломны и Гороховца.

Ни шороха, ни звука, ни движенья.
 Не покидает свой высокий пост
 Луна, чье кольцевое окруженье
 Истаивает под напором звезд.
 И вдруг раскат. И ожил горизонт...
 Товарищи, здесь Ленинградский фронт!

Вчерашний день мы провели в лесу,
 На наших дальнобойных батареях.
 И я его забуду не скорее,
 Чем собственное имя. Пропесу
 Его в глубинах сердца. Никогда
 Туда не проникают холода.

С первоначальной силой пзлучепья
 Там в вечном сохраняются тепле.

Сокровища: луч солнечный в Кремле,
На ордене, в минуту полученья,
Звук голоса, который из Москвы
Мы слушали на берегах Невы.

8

В безмолвии мы слушали его.
Сигнал тревоги в середине фразы
Из тишины не вывел никого.
Над городом шел бой. Потом на базы
(Мы пошли) вернулись ястребки,
По наши мысли были далеки.

9

Речь продолжалась. И такая в ней
Уверенность была, такая сила,
Что эта ночь, которая гасила
Тревогами созвездия огней,—
От сталинского голоса редела.
«Мы победим,— сказал он,— наше дело

10

Есть дело правое». Был напоен
Овациями воздух. Будто стая
Крылатых, красных с золотом, знамен
Над нами бушевала, пролетая.
Казалось нам, что где-то высоко
Победный пурпур плещет о древко.

11

И мы — десятки, тысячи людей,
В настороженном мраке Ленинграда,
Мы ощущали вдруг, что мы — громада.
Мы — сила. Что сияние идей,
К которым мы приобщены, бессмертно.
Ну скажи еще не видим черт мы

Лица Победы. Но ее венка
 Лучи уже восходят перед нами.
 Нас осеняет ленинское знамя,
 Нас направляет Сталина рука.
 Мы — будущего светлая стезя,
 Мы — свет. И угасить его нельзя.

Прошло четыре месяца. И вот
 В день Красной Армии, на фронте, снова
 (Февраль: суровый месяц — снег и лед)
 Мы услыхали сталинское слово,
 Мы наблюдали выраженье глаз
 Людей, его читающих при нас.

Они приказ Паркома Обороны
 Читали в полдень, и когда закат
 Был золотого цвета, как патроны.
 В землянке, где над головой накат,
 И у костра под елью вековой,
 Когда был Млечный путь над головой.

Оружием всех видов и родов
 Приказ был соответственно отмечен.
 Связист его читал у проводов,
 У карты — генштабист. И лишь разведчик,
 Кому и лишний вздох не разрешен,
 В тылу врага был этого лишен.

Один из них рассказывал: «В снегу
 И сам иной раз стаешь, как ледяшка,

По согревает непавиль к врагу.
Сидишь часами — и опо не тяжко.
Мороз! А в голове горит одно —
Задание, которое дано».

17

Он прав, разведчик. От глухой тропы,
От точки огневой до бури шквальной,
Когда столбы земли, подобно пальмам,
Перерастают сосны и дубы,—
Везде и всюду, явен или скрыт,
По этот паш огонь всегда горит.

18

Он партизанским полынём-пожаром
Захватчиков сжигает па корю.
Закован в современную броню,
Старинным русским полыхает жаром.
Он — меч союзников, он — бич врагов,
Ему дивятся пять материков.

19

Павек смертельно им потрясены
Те, кто его удары испытали.
Блистательно сказал товарищ Сталин,
Что артиллерия есть бог войны.
Всесокрушающее божество!..
Мы наблюдали в действии его.

20

Огонь! В честь нас, людей из Ленинграда,
В честь пятерых — пять молний, пять громов
Рванули воздух (мы стояли рядом).
По вражьим блиндажам пять катастроф.

21

И в интервалах первым начал счет
Один из нас, сказав: «За наш завод!»

21

Второй проговорил: «За наш совхоз,
Во всем районе не было такого!»
«За сына!» — тихо третий произнес.
Четвертая — инструкторша горкома:
«За дочку! Где ты, доченька моя?»
«За внука моего!» — сказала я.

22

Я внука потеряла на войне...
О, нет! Он не был ни боец, ни воин.
Он был так мал, так в жизни неустроен,
Он должен был начать ходить к весне.
Его зимою, от меня вдали,
На кладбище подмышкой понесли.

23

Его эвакуацией за Волгу
Метнуло. Весь вагон, куда ни глянь,
Всё дети. Ехать предстояло долго...
Так в лес детеныша уводит лань,
Все думает спасти его, пока
В ее сосдах хоть капля молока.

24

Он был, как тот березовый росток,
Который ожил в теплоте земляники
И вырос на стене, как на полянке,
Но долго просуществовать не мог.
Хирел, мечтал о солнце, как о чуде,
И вздрагивал от грохота орудий...

Смертельно рапящая, только троиць,
Воспоминаний взрывчатая зона...
Боюсь ее, боюсь в ночи бессонной.
И все же, невзирая на огонь,
Без жалости к себе, без снисхожденья
Иду по этим минным загражденьям

Затем, чтобы перо свое питала
Я кровью сердца. Этот сорт чернил...
Проходит год — они все так же алы,
Проходит жизнь — им цвет не изменил.
Чтобы писать как можно ярче ими
Воспользуемся ранами своими.

Используем все огневые средства
Для ненависти огненной к врагу.
Боль старости, загубленное детство,
Могилка на далеком берегу...
Пусть даже наши горести и беды
Являются источником победы.

Преследуем единственную цель мы,
Все помыслы и чувства об одном:
Разить врага прямым, косоприцельным,
И лобовым, и фланговым огнем,
Чтобы очаг отчаяния и зла —
Проклятье гитлеризма — сжечь дотла.

Гла́са че́твёртая

ГОД

1

Зеленым листьям наступил конец.
В предчувствии грядущего мороза
Уже поникла юная береска,
Бледна, как необстрелянныи боеп.
Зато рябина, с пурпуром в петлицах,
Не в первый раз мороза не боится.

2

А на Неве ни шороха, ни плеска,
И город ало-черно-золотой
В ней отражен с гефсиманским блеском,
С поистине голландской чистотой.
Но наяву часкалько он живей
В исконной русской прелести своей!

Он все такой же, как и до войны,
 Он очень мало изменился внешне.
 Но, взглядываясь, видишь: он не прежний,
 Не все дома попрежнему стройны.
 Они в закатный этот час осенний
 Стоят, как люди после потрясений.

Одни кровоточит кирпичной раной,
 Тот известковой бледностью покрыт,
 Там вылетели окна из орбит
 (Одно из них трепещет, как мембрана),
 А там неузнаваема, как маска,
 Окисленная порохом окраска.

Осколок у подъезда изувечил
 Кариатиды мраморную грудь.
 Страдания легли на эти плечи
 Тяжелым грузом,— их не разогнуть.
 Но все же, как поддержка и защита,
 Попрежнему стоит кариатида...

На Ленинград, обхватом с трех сторон,
 Шел Гитлер силой сорока дивизий.
 Бомбил. Он артиллерию приблизил,
 Но не поколебал ни на мигрон,
 Не приостановил ни на мгновенье
 Он сердца ленинградского биенье.

И видя это, разъяреппий враг,
 Предполагавший город взять с разбега,

Казалось бы, испытанных стратегов
Призвал на помощь он: Мороз и Мрак.
И те пришли, готовые к победам,
А третий, Голод, шел за ними следом.

8

Он щептуном шнырял из дома в дом,
Ныл пытиком у продуктовой кассы.
А в это время рос ледовой трассы
За метром метр. Велась борьба со льдом.
С опасностью, со смертью пополам
Был доставляем хлеба каждый грамм.

9

И Ладога, как птица-пеликан,
Самопожертвования эмблема,
Кормящая птенцов самозабвенно,
Великий город, город-великан,
Питала с материинской любовью
И перья снега смешиowała с кровью.

10

Не зря старушка в булочкой одной
Поправила беседовавших с пею:
«Хлеб, милые, не черный. Он ржаной,
Он ладожский, си белого белее.
Святой он». И, молитвенно, старушка
Поделовала черную горбушку.

11

Да, хлеб... Бывало, хоть не подходи,
Дотронуться — и то бывало жутко.
Начиешь его — и съешь без промежутка
Весь целиком. А день-то впереди!..
И все же днем ли, вечером, в ночи ли
Работали, учились и учили.

Студент... Огонь он только что раздул.
 Старательно распиленный на чурки,
 Бросает он в него последний стул.
 А сам перед игрушечной печуркой
 На корточках (пусть пламя припечет)
 Готовит он очередной зачет.

Старик профессор... В клетчатом платке
 Новерх академической ермолки.
 Насквозь промерзший, с муфтой на шнурке,
 С кастрюльками в kleenчатой кошельке.
 Ему бомбежка путь пересечет,
 Но примет у студента он зачет...

Тяжелый пласт осенней темноты
 Так угнетал порой невыносимо,
 Что были двадцать граммов керосина
 Желанней, чем в степи глоток воды.
 О, только бы коптилка не погасла!..
 Едва горит соляровое масло.

И все же не погас он у меня,
 Сосущий масло, марлевый канатик,
 Мерцающее семечко огия.
 Так светит иногда светляк-фанатик
 И чувствует, что он, по мере сил,
 Листок событий все же озарил.

Я знаю, что в грозовой этой чаще
 Другим удастся осветить крупней

Весь этот год, вплоть до его корней.
Но и светляк был точкою светящей,
Н он в бореньях тьмы не изнемог.
Он бодрствовал. Он сделал все, что мог.

17

И Муза, ца сияние лампадки,
Притянутая итью лучевой,
Являлась ночью под сирены вой,
В исхлестанной ветрами плащ-палатке,
С блесканием волос под капюшоном,
С рукой, карандашом вооруженной.

18

Она шептала пишущим: «Дружок,
Не бойся, я с тобой перезимую».
Чтобы согреть симфонию Седьмую,
Дыханьем раздувала очажок.
И головешка с нежностью веселой,
Как флейточка, высвистывала соло.

19

Любитель музыки! Пожалуй, в ней ты
Увидел бы, в игре ее тонов,
И впрямь порханье светлых клапанов
По угольному туловищу флейты.
И то, как, вмиг ее воспламеня,
По ней перебегает трель огня.

20

С электролампой, в светлом овале,
Входила Муза в номерной завод
Под сумрачный, оледенелый свод,—

Там Стойкостью ее именовали...
И цех, где было пусто, как в соборе,
Вновь ожидал. Все снова были в соборе.

21

Все нити и лучи сходились к ней,
От одиночных маленьких сияньиц
До величавых заводских огней,
Бросавших блески на снарядов глянец.
И каждый отблеск радовал сердца
И производственника и бойца.

22

Бывало, Муза днем, в мороз седой,
Противовесом черной сile вражьей,
Орудовкой, в берете со звездой,
Стояла у Канавки у Лебяжьей
И мановеньем варежки пунцовой
Порядок утверждала образцовый.

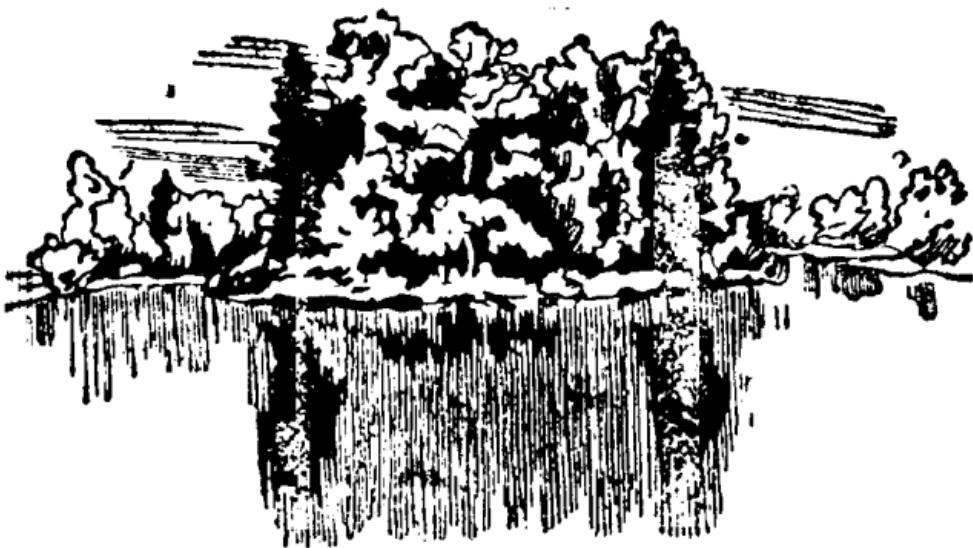
23

В апреле Муза скалывала лед.
Ей было трудно. Из-под зимней шапки
Росинками блестит, бывало, пот.
Ей в руки бы подснежников охапки...
Но даже в старом ватнике — она
Была все та же юная Весна.

24

Стремительна, прекрасна и строга.
Крылатая!.. И рядом с Музой каждый
И чувствовал, и думал не однажды:
«Чтобы вернее сокрушить врага,
Я все отдам, и даже бытие,
О, Ленинград, сокровище мое!»

Всегда, везде, в обличии любом,
К любому причисляема отряду,
Она была любовью к Ленинграду
И верою в победу над врагом,
Надеждою... Всего не перечесть.
Такой она была. Была и есть!

Глава пятая

СНОВА ЛЕТО

В одиннадцать часов еще светло.
Еще на западе, не улетая,
Лежит заката алое крыло,
И даже полночь будет золотая.
Она уже в движенье привела
Аэростатов легкие тела,

2

Луну, с ее лебяжьим опереньем,
Зеркально опрокинула в Неву.
И соловей поет в кистях сирени:
«Я счастлив, счастлив, я жив-жив-живу!»
В самозабвении, без тени страха,
Бывает трели маленькая штака.

Вверху рычат германские моторы:
 «Мы фюррера покорные рабы.
 Мы превращаем города в гробы.
 Мы — смерть. Тебя уже не будет скорро».
 А соловей свое: «Я тут, я тут,
 Я жив, меня отсюда не сметут...»

Какой сегодня жаркий-жаркий день!
 С какою быстротой созрело лето!
 Еще немножко — и начнет темь
 Начнет от круглосуточного света
 Неумолимо отрезать в пути
 Сначала ломтики, потом ломти.

С восьми утра до часу или двух
 Под деревом работаю, пишу там.
 Подобием мельчайших парашютов
 В саду летает тополиный пух.
 Мгновение — и воздух рассекло
 Пикирующей ласточки крыло.

Ее сынок, а может быть, и дочка,
 Топорща крыльшки, глядит на мать.
 Птенцу и страх как хочется летать,
 И страшно оторваться от кусточка.
 Он смотрит на верхушки тополей,
 А мать ему: «Смелей, дитя, смелей!»

Под деревом еще один птенец,
 Ручонкою держась за край коляски,

Колеблется... Решился наконец.
Он делает шагок, не без опаски,
От мамы ни за шаг не отходя,
А та ему: «Смелей, смелей, дитя!»

8

Как много птиц и маленьких детей
Опять щебечет в гнездах Ленинграда!
О, детский мир, цвети и не скудей
В пределах комнат и в аллеях сада,
И после двух блокадных наших зим
Чаруй нас возрождением своим!..

Глава шестая

ВОССТАНОВЛЕНИЕ

Посвящается И. Д. С.

1

На стенах надпись: «Эта сторона
Опаснее, чем та, в часы обстрела».
Хотя и там вот только что гремело
И там опасность не устранена.
И едкая пороховая мгла
Всю улицу на миг заволокла.

2

Но тут же, по опасной стороне,
Уже сплюют строители, прорабы,
Торопят архитектора: «Пора бы
Начать ремонт хотя бы и вчерне».
Чертят квадраты, конусы и кубы,
Раздobyвают доски, гвозди, трубы.

Все здание в изъянах и порезах,
 Во вмятинах и выбоинах. Но
 Ему подбавить известы, железа —
 И снова станет на ноги оно.
 И обновленно, молодо и крепко
 Опять задышит лестничная клетка.

За штукатурами придет печник;
 А там стекольщик со своим алмазом,
 Окошко сантиметром уточнит,
 Еще разок проверит просто глазом,—
 И вспыхнет, ослепительный по силе,
 Кусок небес взамен фанеры синей.

Лежат повсюду бревен штабеля
 И ждут, чтоб превратили их в поленья.
 И в наших Цельсиях, по их деленьям,
 Стремясь уйти все дальше от пуль,
 Карабкается ртутный стебелек
 По градусам: он раньше так не мог.

И вот уж перед всем честным пародом
 На бревнах голосистая пила
 Опять свои частушки завела.
 А дедушка-топор, седобородый,
 Степенно, положительно и мерно
 Поддакивает: «Верно. Верно. Верно».

Как песня, все привольней и плавней,
 Тепло распространяется по трубам.

Горит береза... Столько жара в ней,
Как будто комсомольцы-лесорубы,
Своей энергией ее согрев,
Новысили в сто раз ее нагрев.

8

И краи, где все казалось испито,
Где не было уже ни капли жизни,—
Оттуда вдруг мелодия как брызнет,
Все выше, выше. И на верхнем «до»
(Как эта пота радостно-свежа!)
До... пятого доходит этажа.

9

Взамен коптилок, плошек и лучинок,
Над письменным столом и над плитой,
Опять цветет огнем своих тычинок
Электролампы венчик золотой.
Да здравствует дающая пам ток
Энергия, взрастившая цветок,

10

Бегущая по проводу, по стеблю...
Растенья в Ботаническом саду
Чернели, точно в дантовом аду.
Теперь опять, дыханием колеблем,
Уже растет, себя теплу вверяя,
Лист будущего пальмового рая.

11

В бассейне, где иссяк водопровод,
Куда носили воду литр за литром,
Меж розовых кувшинок вновь плавает
Громадный лист, похожий на палитру.
Ниши, художник, кистью вдохновенной
Развертыванье жизни сокровеной.

Уже монтажник занят важным делом —
Восстановленьем заводских турбин.
Уже на мраморном щите, на белом,
Горит контрольной лампочки рубин.
Вновь завоюет Ленинград по праву
Свою энергетическую славу.

Его великолепные моторы,
Турбины, двигатели, дизеля
Опять начнут, о русская земля,
Питать энергией твои просторы.
И каждая машина, агрегат
Гордиться будут маркой «Ленинград».

Войдемте в Летний сад. Он тих и пуст.
Где статуи? Их тоже нет на месте.
Осанка, мрамор плеч, улыбка уст,—
Все это скрыто: адрес неизвестен.
Все это в подземелии, где мрак,
Но где зато не угрожает враг.

Подобно хору греческих трагедий,
Не умолкают пушек голоса.
Но статуи... при мысли о победе
У них, как у людей, блестят глаза.
Поистине эпоху Возрожденья
Напоминает это пробужденье.

И шепчет мраморная Терпсихора,
Склонив над лютней юную главу:

«Я знаю, я предчувствую, что скоро
На сцене вновь волшебно оживу,
Соединяя в образе едином
Огонь страстей с прохладой лебединой».

17

И с чертежом и циркулем в руках
Архитектура говорит: «Я жажду
Опять трудиться для своих сограждан.
Хочу для них воссоздавать в веках
Не только крепости и бастионы,
А здравницы, дворцы и стадионы».

18

«Я корабли по компасу веду,
Я — Навигация,— раздался голос.—
Я с бурями, туманами боролась.
Мне в якорных цепях невмоготу.
Но скоро я, поднявши якоря,
Пойду в послевоенные моря».

19

Уж опять, с Искусством заодно,
Науки начинают вторить Музам.
Уже открылись новых десять вузов,
Уже в аудиториях полно.
И видит с удовольствием декан,
Что надо ставить стулья по бокам.

20

Уже ребята, но дороге в школу,
На Невке видят молодой ледок.
Уже готов уйти пловучий док,
Чтоб уступить дорогу ледоколу.
Картина поздней осени ясна,
А нам все кажется, что нет — весна.

Все признаки. Всё на весну похоже.
 И шорох льда, и аромат реки,
 И маленькие эти огоньки
 По темным улицам в руках прохожих,—
 Весь город ими трепетно унизан:
 Канун победы. Светлый праздник близок.

Любой район, часть города любая,
 Мосты, проспекты, парки, острова,—
 Как благовест, ~~в~~езде звучат слова
 По радио: «Противник отступает!»
 И мы приказы слушаем Вождя,
 От гордости и счастья трепеща...

Еще артиллерийскими громами
 Чревато небо Пулковских высот.
 Еще в зловещей ~~в~~этой панораме
 Нет места для космических красот.
 Еще воронками глубоких ран
 Дымится Пулковский меридиан.

Но час придет. Не будет ни окопов,
 Ни пушечных, ни пулеметных гнезд.
 Мы вновь нацелим жерла телескопов
 По золотым ориентирам звезд.
 Опять прославим солнца торжество,
 Лучистую ~~э~~нергию его.

Да здравствует великий русский город,
С энергией, невиданной дотоль!
Да здравствует энергия, в которой
Спресованы десятки тысяч воль!
И навсегда, отныне и вовек,
Да здравствует советский человек!

Ленинград
Октябрь 1941 – Ноябрь 1943

1 р. 50 к.

А

В